

Аугусте Гронер

Странная тень

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
Г87

Гронер А.

Странная тень / Гронер А.; перевод Осмар М. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 58 с.

ISBN 978-5-532-93414-6

Аугусте Гронер (1850-1929) — одна из первых немецкоязычных писательниц в жанре детектива. С 2009-ого года писательницам, издательницам и переводчицам за достижения в сфере детективной литературы присуждается премия «Золотая Аугусте», названная в честь австрийского автора. Повесть «Странная тень» публикуется на русском впервые.

Еженедельная газета города О., бывшего административным центром района, опубликовала следующее сообщение: «Загадочное убийство. В воскресенье, утром 10-ого октября, позавчера, комиссар полиции на пенсии, господин Антон Вернер, был найден в своей постели убитым. Причиной смерти стал точный удар, нанесённый неким предметом наподобие кинжала.

На момент выхода этого номера, то есть до сегодняшнего полудня, не удалось напасть на след убийцы; более того, даже не удалось обнаружить, что стало его причиной. Об ограблении нет речи. Врагов у добросердечной, всеми уважаемой жертвы этого преступления не было. Оно остается, таким образом, пока без объяснений. Не сумасшедший ли какой-нибудь совершил это злодеяние?

Загадки на этом не кончаются! Несмотря на всю проницательность наших опытных стражей порядка до сих пор не ясно даже, каким путем убийца вошёл в дом и каким вышел.

Каждый житель города уже побывал на Мариенгассе, месте этого ужасного преступления. Каждый спрашивает и выведывает и, наверняка, уже разузнал всё, что можно было; так что эту заметку мы публикуем, собственно, только для читателей, живущих за пределами города, и надеемся, что скоро сможем сообщить о поимке этого гнусного убийцы».

Так писала О...ская еженедельная газета.

Она продавалась нарасхват, несмотря на то что вышеприведенная информация была скупа и уже известна. Ведь Мариенгассе действительно успела стать местом самого настоящего паломничества, куда по-прежнему приходило много людей, так как убийство бывшего комиссара полиции Вернера, пользовавшегося всеобщей известностью и уважением, вызвало у многих сочувствие и возмущение.

Одним неприветливым, непогодным вечером поблизости от дома, где было совершено убийство, как и в предыдущие дни стояли группы людей. Среди присутствующих выделялся мужчина примечательной наружности: пожилой, с седыми волосами и строгим, даже угрюмым лицом, с плотно сжатыми губами и подозрительным взглядом; уже только его высокий рост делал его заметным, а его влияние самым разным людям внушала страх.

Этого человека звали Петер Клаус, он был управляющим О...ской тюрьмы; в городе его хоть и не любили, но тем не менее высоко ценили его заслуги, потому что Петер Клаус был с головы до ног воплощением чувства долга и доказал это на протяжении почти сорока лет своей службы.

Он был, как можно ожидать, окружён плотным кольцом любопытных: каждый хотел услышать одно из скупых, но как правило метких замечаний тюремного служащего, на своём долгом веку имевшего дело со многими преступниками.

«Говорят ведь, что у убитого не было врагов, а ещё, что не украли ни булавки», – сказал невысокий, оживлённый господин, который прямо-таки протиснулся к Клаусу и который, судя по его предыдущим высказываниям, работал на какую-то газету за пределами города.

Клаус посмотрел на него очень свысока. Он совсем не любил оживлённых людей, возможно, потому что сам был так молчалив и сдержан.

«Что знают господа, которые это пишут, – возразил он пренебрежительно. – Подумайте же. Есть ли хотя бы один полицейский чиновник, у которого не было бы врагов?»

Говоря это, Клаус не смотрел на того, с кем говорил, он глядел, казалось, рассеянно перед собой. Такова была его манера. Внезапно его выражение, его взгляд стали задумчивы, затем пристальны, заметно было, что его щеки слегка побледнели. Он весь обратился в слух.

Это продолжалось только четверть минуты. Потом он сильными руками бесцеремонно разомкнул кольцо окружавших его людей и зашагал, даже можно сказать заспешил к отдалённой группе, которая, идя навстречу ему, только что покинула своё место прямо перед домом, где случилось преступление.

«Чёрт возьми! – пробормотал господин Клаус. – Куда он делся?»

Тот, кого он видел в течение нескольких секунд, видел отчетливо, тот худощавый мужчина, чьё боязливое, тёмное лицо со впалыми щеками было к нему повернуто, чей горящий взгляд встретился с его взглядом, – тот человек исчез.

Петер Клаус подошёл к небольшой решётчатой калитке, которая преграждала доступ с улицы в плотно засаженный растениями палисадник дома Вернера: она была заперта. Он посмотрел направо и налево: нигде не было никакой ниши, никакого укрытия, где мог бы спрятаться тот человек, так внезапно исчезнувший из виду. Этот конец Мариенгассе был дальним от центра города. Улица, по обе стороны которой были сады за высокими заборами, представляла собой совершенно прямую линию, которая тянулась ещё на довольно большое расстояние – в любом случае, слишком большое, чтобы беглец мог преодолеть его за несколько секунд и добраться до укромного уголка.

Петер Клаус покачал головой, потом повернулся и пошёл, не заботясь больше ни о ком и ни о чём, в сторону центра города.

Миновав несколько безлюдных переулков, он внезапно остановился и хлопнул себя по лбу. Казалось, он хочет вернуться туда, откуда пришёл, однако он этого не сделал, а зашагал ещё быстрее вперёд, пока наконец не оказался перед зданием полиции.

Это здание очень соответствовало Петеру Клаусу, или скорее, он ему соответствовал. Высокое, массивное, тёмное, оно производило довольно угрюмое впечатление. Ступив внутрь, он, однако, не направился к себе. В ту сторону он только кинул острый взгляд, проходя в сгущавшихся сумерках, и быстро поднялся по широкой лестнице, которая вела к кабинетам комиссаров.

В один из них он вошёл, постучав.

Старый толстяк, больше похожий на прожигателя жизни, чем на служителя порядка, поднял взгляд от книги, которую читал. Он положил её перед собой, узнав вошедшего. Книга была библиотечная и должна была помочь этому приветливому господину скоротать время. Ведь в этот час дел было мало или и вовсе не было.

Поэтому комиссара устраивало, что Клаус пришёл, потому что он приходил только, когда хотел рассказать что-то действительно достойное услышанья.

«Добрый день, господин комиссар!» – сказал Клаус своим резким, громким голосом.

«Добрый вечер, Клаус, дружище, – ответил тот. – Что привело вас ко мне? Служба?»

Старый тюремщик задумался на секунду, потом сказал неуверенно: «Я не знаю, могу ли я сказать, что пришёл по службе, но одно я знаю, господин фон Лаутерн: я старею».

Господин фон Лаутерн посмотрел с удивлением, так жалобно, так трагично это прозвучало.

И это был исключительно неслужебный разговор, на это указывала предыдущая фраза педантичного тюремного надзирателя.

Дружелюбный комиссар почти растрогался. Он указал на ближайший стул, на который Клаус с достоинством опустился, в то время как господин фон Лаутерн, вздохнув, сказал: «Клаус, друг мой, все мы стареем, и каждый из нас это чувствует. Главное, чтобы служба от этого не страдала, а ваша-то уж точно не страдает от того, что вы стареете».

Это был заслуженный комплимент, но Клаус не обратил на него внимания.

«В тысяча восемьсот шестидесятом году вас здесь еще не было», – сказал он, снова с кажущейся рассеянностью, которая в действительности была задумчивостью.

Господин фон Лаутерн схватил карандаш и постучал им по левой ладони. Он был очень подвижным; слушать он мог только, если его руки были чем-то заняты.

«Нет, тогда я служил в Л.», – сказал он, а Клаус продолжил: «Но господин Вернер был здесь, и я, и ещё кое-кто, кого я сегодня снова увидел».

Господин фон Лаутерн по-прежнему играл с карандашом.

«Как пишет газета и как думают люди, у доброго господина Вернера не было врагов, а всё-таки как минимум один был. Благодаря старательности Вернера удалось напасть на след опасного взломщика, он сам, в одиночку, его арестовал и привел сюда с помощью нескольких случайно оказавшихся рядом людей. Того человека – его зовут Йозеф Холцер – приговорили к десяти годам тюрьмы. Он поклялся страшно отомстить Вернеру, я единственный, кто это слы-

шал. Это было десять лет и три месяца тому назад. Йозеф Холцер опять на свободе, а сегодня я его видел перед домом Вернера».

Господин фон Лаутерн положил карандаш на стол.

«И вы не смогли его задержать?» – спросил он медленно, спокойно, дружелюбно. Ведь он знал, что перед ним был служащий, верный своему долгу.

«Нет, я не смог его задержать, я ведь сказал, что я старею. Как только я его заметил, я поспешил к нему. Вокруг него были люди. Дюжина других любопытствующих была между ним и мной, и внезапно он исчез, как будто земля его проглотила. Там некуда было спрятаться, некуда было уйти. Палисадник Вернера был заперт. Я поспешил сюда. На полпути мне пришло в голову, что Холцер запросто мог скрыться в саду, если калитка была открыта, что он сам, возможно, и закрыл её, а потом запер на засов. Возвращаться назад было бы, конечно, бессмысленно. Тогда я продолжил свой путь и сообщил теперь то, что имел сообщить».

Петер Клаус склонил голову. Ему было стыдно, это было заметно не только по всему его поведению, но и по тому, как багрово покраснело лицо старика во время признания.

Комиссар поднялся и положил изящную белую руку на плечо Клауса.

«Не придавайте этому значения, – сказал он добродушно, – подобное с каждым может случиться. Будем надеяться, что этот Холцер найдётся. То, что вы мне рассказали, останется служебной тайной. Я хочу сейчас же пойти к нашему начальнику. Уже сегодня будет предпринято всё, что в наших силах, чтобы поймать возможного преступника».

После этих слов господин фон Лаутерн схватил свою фуражку, и оба служащих покинули комнату, в которой за это время стало почти совсем темно.

«Возможного преступника!» – пробурчал Петер Клаус с издёвкой, шагая в сторону тюрьмы. За время своей работы он разучился хорошо думать о людях, а уж заключённых он и вовсе считал не способными ни на что, кроме как на самое худшее.

Дом убитого находился, как уже упоминалось, на одном из двух концов растянувшегося города. На Мариенгассе жили обеспеченные люди, ценившие покой. У каждого дома был свой сад. Перед домом отставного полицейского Вернера был ещё и палисадник, растения в котором были с заботой высажены вплотную друг к другу. Со всех сторон приветливого двухэтажного строения было свободное пространство, потому что и справа, и слева был сад, который за домом простирался не слишком далеко и упирался в мрачную аллею, по которой редко кто проходил.

С той стороны сад был огорожен высокой железной решёткой; такая же, но с небольшой калиткой, отделяла дом и сад от Мариенгассе. Слева имение Вернера граничило с большим, огороженным забором участком, на котором не было ничего, кроме сарая, окружённого зарослями кустарника: остаток сельской жизни, которая царила здесь кругом ещё всего лишь десятилетие тому назад.

Дом, в котором произошло убийство, был построен в форме подковы, к основной части с восьмью окнами на фасаде примыкали сзади два маленьких флигеля.

Когда господин Вернер оставил службу и купил этот дом, по его внутренней стороне вела красивая открытая галерея, которой по его заказу в каких-то местах добавили стены, а в каких-то — остекление. Теперь она представляла собой элегантную пристройку, похожую на эркер, где Вернер, увлекавшийся искусством холостяк, разместил большие объекты своей коллекции предметов искусства и старины.

Лестница вела наверх к коридору, куда выходила комната госпожи Терезе, экономки. Дальше по коридору была спальня Рудольфа Вернера, племянника убитого. К ней примыкала ещё одна, которая служила племяннику гостиной. За ней были ещё три комнаты, а следом две другие в противоположном флигеле. В них жил и работал ценивший покой отставной служащий.

На первом этаже располагались кухня и прочие подсобные помещения, а также комната, где жил садовник.

Садовник Никлас Палм был прилежным, но несколько туповатым человеком, у которого был изъян: он был почти глух.

Если мы ещё упомянем грациозного пинчера Ами, принадлежавшего госпоже Терезе, то перечислим всех живых существ, живших на попечении великодушного и доброжелательного старика, который ушёл из жизни таким ужасным образом.

Рудольф Вернер, служивший в одном из учреждений города, был отзывчивым, умным молодым человеком. Он осиротел ещё в раннем детстве и практически боготворил своего дядю, который как родной отец заботился о нём. Рудольфу было не больше двадцати; предрасположенный к мечтательности и обладавший мягким характером, он жил только своей скрипкой и теми идеалами, которые сам создал. После того как омерзительное, загадочное преступление, случившееся в доме, в одночасье заставило его вспомнить о самых уродливых сторонах жизни, он был близок безумию.

В то воскресенье около девяти часов утра Терезе сообщила, что хозяин, совершенно вопреки своим привычкам, ещё не проснулся.

«Не могли бы вы сходить проверить, господин Рудольф? Мне так тревожно. Хозяину вчера немного нездоровилось, у него была одышка, я из-за этого всю ночь переживала. Я подошла к двери и послушала. Но нет: из спальни не доносится ни звука».

Так она сказала молодому человеку. Рудольф тоже забеспокоился, отложил скрипку и пошёл к комнате дяди, экономка за ним следом.

«Надеюсь, ваше опасение безосновательно», — сказал он при этом, однако в его голосе не было уверенности, в глазах же был страх, так что он вполне мог бы сказать и «наше опасение».

Из коридора можно было попасть только в мастерскую дяди, а уже оттуда в спальню. Рудольф постучал в дверь мастерской, которая на ночь всегда была закрыта, постучал несколько раз, всё чаще, всё громче, а одновременно стучало и разрывалось его сердце, его доброе, почти по-детски нежное сердце.

«Дядя, — кричал он, — дядя!»

Ничто не ответило ему, кроме пугающей тишины. Терезе, жизнерадостная, сильная женщина, побледнев и задрожав, прислонилась к стене, её колени тряслись.

«Господи! Господи!» — бормотала она время от времени. Рудольф повернулся к ней.

«Принесите топор», – сказал он спокойно – но при этом он был бледен, так бледен, что на него было жалко смотреть.

Он посмотрела на него и, перестав дрожать, вихрем побежала по коридору и вниз по лестнице, чтобы принести то, что он просил.

Но как бы она не торопилась, ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она вернулась.

С силой отчаявшегося он тряс дверь, она не поддавалась... Наконец, наконец пришла Терезе и протянула ему топор. В следующую секунду дверь треснула, щепки полетели в стороны, и они оба вошли в комнату.

В мастерской было только одно окно, ставни которого были наполовину закрыты; тем не менее света было достаточно, чтобы вошедшие могли что-то увидеть.

Они сразу поспешили в спальню. Там было темно, потому что единственным источником света была открытая дверь.

Рудольф отворил одну из ставен. В этот момент раздался со стороны двери приглушённый крик испуга. Рудольф также услышал, что госпожа Терезе опустилась на колени. Его колени тоже дрожали. Медленно, как будто против своей воли, он повернулся к кровати, на которой, он это чувствовал каждым нервом, было что-то ужасное. И вот его взгляд упал на кровать: на покойного – на убитого, чья кровь залила белую постель наводящим жуть багрянцем.

«Дядя!» – закричал с болью молодой человек и бросился к кровати. «Дядя!» – вздохнул он опять и упал в полуобмороке.

Обычно столь мужественная Терезе, конечно, ожидала увидеть нечто страшное, но то, с чем она столкнулась, оказалось гораздо более ужасным и едва не свело её с ума. Она задрожала, потом с трудом встала на ноги и выбежала из комнаты.

Её охватил неописуемый ужас, но вскоре её мысли прояснились. Нет, она не хочет уйти, не хочет оставить бедного молодого хозяина; но ей нужна помощь, она не хочет быть одна. Она поспешила к единственному окну в комнате, открыла его и криком позвала Палма, который в этот момент закутывал соломой кусты роз. Она кричала так пронзительно, с такой тревогой, что, даже несмотря на свою почти полную глухоту, он сразу услышал и взглянул на неё.